

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

З. А. ЧЕКАНЦЕВА

МЕЖДУ СФИНКСОМ И ФЕНИКСОМ ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ В КОНТЕКСТЕ РЕФЛЕКСИВНОГО ПОВОРОТА ПО-ФРАНЦУЗСКИ*

Автор размышляет о метаморфозах исторического события во французской историографии последних десятилетий. Являясь стержнем историописания, событие – главное, с чем имеет дело историк. История, оформляясь в социальную науку, конституировала свою научность против события, однако событие всегда возвращалось. Новый виток интереса к событию, порожденный изменением режима историчности и потребностью понять современный мир, заставил историков переосмыслить содержание исторического времени, что позволило прояснить соотношение события со структурой и системой. В изучении события все большее место стала занимать неопределенность вовлеченного в действие исторического актора. Анализ такого действия позволяет лучше описать соотношение этой неопределенности и возможностей, скрытых в неизбывной загадочности событийности. Кроме того, анализ события помогает показать сложное переплетение времен и миров действия.

Ключевые слова: историческое событие, рефлексивный поворот, режим историчности, эпистемологически ориентированная историография, нарратив, время события.

Являясь стержнем историописания, *событие* – главное, с чем имеет дело историк: рождения, смерти, сражения, войны, революции, дни, создавшие страну или потрясшие мир – все это постоянные сюжеты исторического исследования. Символические или памятные события организуют историческую память и исторический нарратив. Важнейшие события зафиксированы в школьных учебниках, а мысль о том, что исторический процесс – это цепь событий, прочно укоренена в массовом сознании. Не удивительно, что в разные исторические периоды историки, переосмысливая основы своего ремесла, неизбежно размышляли о природе событийности и содержании концепта *событие*.

Родоначальник «сложного мышления», французский социолог Эдгар Морен, учитывая непредсказуемость и загадочность *события*, сравнивал его со сфинксом¹. В новой книге Ф. Досса *событие* уподобляется фениксу, постоянно возрождающемуся из пепла². Воплощение этих об-

* Статья выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00357а.

¹ Morin. 1972. P. 173-192.

² Dosse. 2010.

разов – множество накопившихся в историографии интерпретаций разнородных событий и не прекращающиеся споры в науке и философии по поводу их природы. Особенно много для осмысления события сделали философы. Социальные науки всегда относились к событию весьма настороженно, но в последние десятилетия и они включились в активное обсуждение этого загадочного явления³. О возвращении события и его обновленном содержании в прошлом веке размышляли такие известные французские историки, как Жак Ле Гофф, Андре Бюргер, Жак Ревель, Арлет Фарж, Франсуа Досс. Тем не менее, до сих пор событие остается подлинным вызовом для историков, поскольку подавляющее большинство прочно усвоило редуционистскую версию события, представляющую последнее как часть реальности, простота и доступность которой не подвергается сомнению.

У такого подхода весьма глубокие корни. «Со времен Геродота и, в еще большей степени, Фукидида, – пишет Ж. Ревель, – проявляется убежденность в том, что за видимым беспорядком вещей стоит порядок причин, и историку надлежит его выявить. Он должен обнаружить оный порядок, поставив после обследования правильный диагноз на основании симптомов, явленных его взору событиями, что напоминает работу врача. Именно диагноз истинных причин того, что произошло, даст ему возможность воссоздать прошлое в требуемом виде повествования, способного убедить тех, кому оно предназначено»⁴. Однако уже в XVIII–XIX вв. история, оформляясь в научную дисциплину, конституировала свою научность против события: критика последнего становится важной составляющей вдохновляемой естественными науками прескриптивной эпистемологии, в русле которой познание единичного, сингулярного считалось невозможным.

На протяжении всего прошлого века понимание *события* неуклонно усложнялось не только в истории, но и в философии, социологии, антропологии, лингвистике. Приведу мнение авторитетных отечественных специалистов по теории исторического знания: «событийная история в “чистом” виде, подразумевающим последовательное шествие событий в единой хронологической и каузальной связи, является весьма условной. Она может рассматриваться либо как простейшая форма исторического дискурса, либо, с современной точки зрения, как одна из крайних степеней абстракции исторического анализа»⁵.

³ См., например: Qu'est-ce qu'un événement?..

⁴ Ревель. 2003. Кн. 1. С. 238.

⁵ Савельева, Полетаев. 2007. С. 144.

Ученые настойчиво продолжают переосмысливать это явление, столь важное для историографической операции, нацеленной на производство исторического знания. Природа события, его содержание, место и роль в истории, включенность в цепочку причин/следствий, в исторический нарратив, соотношение истории и памяти, мифа и истины в событийном нарративе и дискурсе многократно обсуждались в разные исторические периоды с разной степенью интенсивности. Независимо от содержания дискуссий, ясно, что событие позволяет схватить время в ходе интенсивного сжатия, сгущения, придающего ходу истории новую тональность, но вопрос о том, что же собой представляет это «схватывающее время», остается открытым. Изучение проблематики события имеет междисциплинарный характер. При этом в социальных науках в целом, в том числе в истории, все ощутимее влияние философского осмысления события и событийного времени (М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Бодрийар, П. Рикер, А. Бадью и др.). Например, онтологическую неопределенность и вездесущность события очень точно выразил Фуко: «событие – это всегда рассеивание (*dispertion*), множество. Это то, что проходит здесь и там, это многоголовое чудовище»⁶. Вслед за Ницше Фуко избегал поисков причин и истоков, подчеркивал важность исторических разрывов, связывая их с единичными событиями, в которых, по его мнению, и проявляются подлинные силы истории⁷.

П. Рикёр выделил три возможных уровня толкования события: 1. Несигнификативное событие⁸; 2. Упорядоченность и торжество смысла, доходящие до бессобытийности; 3. Появление сверхсигникативных, сверхзначимых событий⁹. Первый уровень предполагает простое описание «того, что было» и подразумевает удивление, свежий взгляд на поло-

⁶ Foucault. 2011. P. 187.

⁷ Фуко. 1996. С. 74-97. «Существует целая традиция в исторической науке (телеологическая или рационалистическая), которая стремится растворить отдельные события в идеальной континуальности – телеологическом движении или естественной взаимосвязи. “Действительная” история заставляет событие вновь раскрыться в том, что в нем есть уникального и острого. Событие – а под этим следует понимать не решение, черту, проявление или битву, но меняющееся отношение сил, отнятую власть, отобранный и повернутый против своих пользователей вокабулярий; одно господство – ослабляющее и отравляющее само себя, и другое – подкрадывающееся, маскирующееся. Силы, действующие в истории, не подчиняются ни предначертанию, ни механизму... Они не выказывают себя последовательными формами первоначальной интенции, они не имеют значения результата. Они всегда проявляются в уникальной случайности события».

⁸ Significare – *лат.* значить, иметь смысл.

⁹ Ricoeur. 1991. P. 51-52.

жение вещей. При втором подходе уникальность события растворяется в соответствующей ему закономерности, вплоть до полного отрицания события. Третий уровень имеет интерпретационный характер, при котором событие исследуется как единичное явление, наделенное сверхсмыслом¹⁰.

Жиль Делез полагал, что событие – это и есть смысл, рождающийся «в развилке времени» (*ligne de partage*). Правильнее, видимо говорить о времени во множественном числе, поскольку, размышляя о темпоральной природе событийности, Делез пишет о двух видах времени, тесно связанных друг с другом и одновременно плохо совместимых. Это Хронос – вечное настоящее, материальный носитель ризоматической темпоральной среды. И Эон – бестелесное и неопределенное, пребывающее в непрерывном изменении темпоральное образование, в котором нет настоящего, но есть лишь растягивающиеся в сложных коммуникационных связях с другими Эонами прошлое и будущее¹¹.

Сегодня, когда «возвращение» *события* очевидно, историку важно понять, что собой представляет то, что «вернулось». Идти к такому пониманию можно разными путями. Я попытаюсь это сделать, опираясь на опыт французской историографии, в которой метаморфозы события органично встроены в непрерывный процесс трансформации представлений об истории и ремесле историка. Для начала коротко представим некоторые важные обстоятельства, характеризующие общее состояние этих трансформаций. Это поможет наметить ряд ориентиров, позволяющих понять природу «ренессанса события» на рубеже XX–XXI веков.

История пронизывает во Франции все: повседневность, политику, культуру. Однако судьба этой «французской страсти» отнюдь не случайность, но результат выбора: «бои за историю» – постоянная составляющая интеллектуальной и профессиональной жизни французского исторического сообщества. Драматургия этих «боев» во многом обусловлена природой исторического познания и свойственной историкам способностью улавливать суть происходящих изменений¹².

Что происходит сегодня с историей? Для чего она нужна? Кто такой историк? В чем смысл его профессиональной деятельности? Эти вопросы интенсивно обсуждаются не только в сообществе историков, но и в социуме не одно десятилетие. В итоге стало ясно, что в историю уже больше не верят так, как верили в XIX веке. Грандиозная историче-

¹⁰ См. также: Досс. 2013. С. 35–36.

¹¹ Делёз. 1998.

¹² «Способность к восприятию живого поистине главное качество историка», – писал Марк Блок. (Блок. 1973. С. 230).

ская теология, управляющая миром, ушла в прошлое. При этом историки первыми попали в зону подозрения уже потому, что сами проблематизировали статус истории как науки, убедительно обосновав апоритичность исторического познания. Одной из главных причин этой перемены называют изменение режима историчности¹³ и связанное с этим мемориальное движение, которое захлестнуло Францию в 1970–1980 гг.¹⁴ и заставило историков «ввязаться в драку»¹⁵.

Если до конца XVIII в. людей интересовало прежде всего прошлое, то на рубеже XVIII–XIX вв. темпоральной основой мировосприятия стал футуризм, пропитавший собой все, в том числе научную деятельность. Однако в XX в. вера в будущее вместе с верой в прогресс постепенно была вытеснена вездесущим и самодостаточным настоящим. Франсуа Артог, автор этой объяснительной схемы, подчеркивает, что она представляет собой вариант идеального типа, позволяющий прояснить кризисные моменты в «порядке времени», когда теряют очевидность привычные сочленения прошлого / настоящего / будущего. Однако историки приняли этот новый инструмент познания всерьез, и это позволяет многое понять в стремительно меняющемся мире. «Мемориальная волна», породившая в условиях презентизма конкуренцию между историей и памятью, – явление не только французское¹⁶, но именно французские историки на вызовы, связанные с ней, сумели найти убедительные ответы. В последние три десятка лет они пережили немало других потрясений, среди которых «эпистемологический шок» лингвистического поворота; утверждение гендерной истории; культурный, социологический, пространственный, прагматический повороты; трансформация культуральных исследований; реконфигурации истории глобальной. Наконец, поворот рефлексивный, одновременно эпистемологический и историографический. Все эти перемены привели к проблематизации в истории всего, что раньше казалось неоспоримым. В том числе центральных аксиоматических установок профессии и таких базовых понятий как истина, время, пространство, событие¹⁷.

Содержательный анализ этих перемен требует специального исследования. Я позволю себе сформулировать лишь некоторые наблюдения, опираясь на новый исторический словарь, который помимо прочего характеризует актуальное состояние французского академического

¹³ *Hartog*. 2003.

¹⁴ *Joutard*. 2013.

¹⁵ *Prochasson*, 2008.

¹⁶ *Нора*. 2005, Т. 2-3.

¹⁷ *Artoг*. 2005.

исторического знания¹⁸. Словарь не представляет никакой школы, не претендует на создание некоей синтетической панорамы достижений современной исторической науки, предполагающей подведение кумулятивного итога. По замыслу создателей он призван облегчить рефлексивное переосмысление исследовательской практики и письма историков. Французский взгляд на историю обогащен хорошим знанием мировых научных тенденций: историки во Франции осознают необходимость участия в «ускоренном глобальном открытии национальных историографий». Складывается ощущение, что «кризис» истории миновал. В прошлом осталось соперничество с другими социальными науками и недооценка связей с философией. Не очень волнует авторов дробление истории и состояние истории глобальной. Нет никакой установки выстраивать и диктовать какую-бы то ни было программу исследований. Важнее всего показать историю, вошедшую «в новый режим необходимого теоретического плюрализма».

Очевидно, что французские историки не склонны разделять сегодня историографию и эпистемологию. Правда, некоторые из них все еще осторожно относятся к последней, полагая, что это специальная область философии. Но все их тексты свидетельствуют, что «чистая» эпистемология и историография здесь практически не существуют раздельно друг от друга. Чаще всего речь идет об эпистемологически ориентированной историографии или исторической эпистемологии, повышающих эффективность поисков нового исторического знания. Центральной проблемой исторической эпистемологии является, наряду с проблематикой памяти, вопрос о «порядке времени» как философской и исторической категории, необходимой для понимания исторических трансформаций и того, как эти трансформации воспринимают люди. Погружаясь в темпоральную проблематику, французские историки перешли, по словам Ф. Артога, от «вопросов ко времени» к «времени как вопросу»¹⁹. Они озабочены поиском таких способов историописания, которые позволили бы преодолеть тиранию прошлого / настоящего и найти подходы к овладению будущим. Историков интересует «не столько генезис, сколько дешифровка того, кем мы больше не являемся»; не столько ушедшее гомогенное прошлое, сколько прошлое, изломанное памятью, которая оттеняет

¹⁸ *Historiographies*. 2010. Т. 1-2. Подготовка таких словарей в последние тридцать лет стала традицией. Самые известные из них: *Le Goff, Nora*. (dir.). 1974; *Le Goff* (dir.). 1978; *Burguière* (dir.) 1986. Эти «настольные книги историков» могут многое рассказать о состоянии исторического сообщества и исторического познания во Франции. См.: *Picard*. 2011.

¹⁹ См. подробнее: *Чеканцева*. 2011.

ся в прерывностях истории. В таких способах написания истории, учитывающих субъектность историка, на первом плане оказывается историография как практика, позволяющая удовлетворить потребность в историческом познании и вместе с тем избежать ловушек наивного реализма по отношению к тому, что познается. Важнейшей составляющей исторической дисциплины во Франции сегодня является то, что не вытекает непосредственно из эмпирического материала, но от чего парадоксальным образом зависит его изучение. Это дискурс о практике, позволяющей историку решать исследовательские задачи. В историографических студиях и в преподавании вопрос о том, *как это сделано*, является ключевым: история как дисциплинарное знание конституируется во многом таким рефлексивным и перформативным дискурсом.

А теперь вернемся к *событию* и попытаемся представить, как его изучают сегодня. В позитивистской традиции событие с конца XIX века было, по сути, идентично историческому факту, который в строгой методической системе исторической науки являлся таким же базовым элементом, как клетка в биологии или атом в физике. Подчиняясь принятым тогда критериям научности, французские историки смешивали социальную память с памятью национальной и государственной. Любой феномен, не проявлявшийся в социальной сфере, просто не замечали, поскольку он не считался фактом историческим. Основные сюжеты событийной истории были связаны с биографиями выдающихся личностей, политической, дипломатической и военной историей. Однако уже в начале прошлого века Франсуа Симиан, Анри Берр, Люсьен Февр жестко раскритиковали установки «историзирующей» историографии. Напомню главные из них: исторический факт – это некая данность, которую историк способен найти в источнике, используя критический метод; главная задача историка заключается в том, чтобы привести совокупность таких фактов в некую «правильную» хронологическую систему; итогом такой эрудитской процедуры будет объективная история. Аргументы критиков хорошо известны: исторический факт – это не атом реальности, но конструкт, создаваемый ученым; правила этого конструирования надо осваивать; уникальное, единичное не содержит привилегированной информации о реальности, напротив, только повторяющиеся факты, которые можно поместить в серию и сравнивать, могут стать настоящим объектом исторического анализа; хронологическое упорядочивание конкретного материала неизбежно приводит к упрощению – наслоению разнородных элементов, разворачивающихся во времени, лишенном качественных характеристик.

В период триумфа структурализма и семиотики событие вкупе с субъектом подмяла под себя структура. Тем не менее, уже в середине 1950-х гг. историки и философы заговорили о необходимости переосмысления события и событийности (Альфонс Дюпрон, Мишель Фуко, Мишель де Серто, Пьер Нора, Андре Бюргер, Поль Рикёр и др.).

Самые знаменитые, сразу обратившие на себя внимание тексты о «возвращении события» были созданы Пьером Нора²⁰. Размышляя о демократии в эпоху модерности, историк обратил внимание на появление новой событийности и выявил специфический тип события. Последнее он назвал «событием-монстром». Такое событие стало детищем средств массовой информации, которые, поставив производство событий на поток, постепенно лишили их традиционно понимаемой историчности. Включенное в информационный ряд событие индивидуализировалось, одновременно смешиваясь / сближаясь с определенной совокупностью фактов. Такое сближение делало его доступным для массового потребителя информации, но при этом событие утрачивало свое рациональное содержание. На первом плане оказывалась эмоциональная составляющая произошедшего. Метаморфозы события в информационную эпоху изменили историческое сознание значительной массы населения. Интерпретация «горячих» событий стала частью повседневности, органично вливаясь в сами события. Эта коллективная работа по превращению недавно минувшего в историческое создавала почву для становления «истории недавней современности» или «непосредственной истории» (*histoire immediate*). Институциональным воплощением последней во Франции стало открытие в 1978 г. Института настоящего времени. Легитимация такой истории заняла несколько десятилетий и внесла значительную лепту в историографическую революцию, поскольку заставила историков переосмыслить основы дисциплины, ее возможности и важнейшие эпистемологические процедуры. Работа с источниками нового типа стала важным средством обновления дисциплинарной аксиоматики, расширения «территории истории» и нового понимания роли историка как познающего субъекта²¹.

Заметно изменило восприятие события также новое понимание роли языка историка, исторического письма и нарратива. Французские историки всегда экспериментировали с текстуализацией материала. Но теоретическое осмысление проблематики нарратива во Франции позд-

²⁰ Nora. 1974. P. 210-228 (это обновленная версия статьи, появившейся в журнале *Communications*, 1972, № 18 под названием «Событие-монстр»).

²¹ Garcia. 2013; Poirrier 2010. P. 69-87.

нее, чем в других странах, инициировал философ П. Рикёр²². Впрочем, рецепция его трехтомного исследования «Время и рассказ»²³ была подготовлена полемикой первой половины семидесятых годов между П. Веном и М. де Серто²⁴. Вен в своем эссе по исторической эпистемологии представил историографию как «правдивый роман»²⁵. Серто противопоставил его номиналистской позиции историографию как совокупность культурных практик, предложив называть все, что делают историки, «историографической операцией». Свое материальное воплощение эти практики находят в пространстве письма, которое стало предметом специальных исследовательских усилий. В частности, небольшая группа историков уже в начале 1970 гг. приступила к изучению исторических текстов и событий на пересечении истории и лингвистики в русле дискурсивного анализа²⁶. Несмотря на трудоемкость, исследования такого рода постепенно меняли отношение к слову и действию исторического актора, к дискурсу историка и событию²⁷. Придуманное Серто в 1970 г. словосочетание *faire de l'histoire* стало не только названием известной трилогии²⁸, но и эмблемой «новых историков». В этом названии, помимо признания значительной роли исследователя в производстве исторического знания, воплощено понимание перформативности письменной фазы историографической операции. Иными словами, этим историкам было свойственно характерное для литературной теории понимание слова как дела.

Традиционно мыслящий историк, реконструируя то или иное событие, озабочен преимущественно доказательством объективности фактов и выяснением их места и связей в причинном поиске. То, что историографическая операция была помещена между языком прошедшего и языком исследователя, по мысли Ф. Досса, стало «своеобразным уроком совершеннолетия для историков», который способствовал радикальному изменению традиционной концепции события. Например, когда де Серто писал по горячим следам по поводу мая 1968 года, что это «событие не является тем, что можно увидеть или узнать о нем, но тем, чем оно становится (в первую очередь для нас)», он тем самым приглашал обращать внимание на «следы» события, оставленные с момента его

²² *Revel*. 1995. P. 43-70.

²³ *Ricœur* 2000. (Le Seuil, 1983-1985).

²⁴ *Certeau*. 1973.

²⁵ *Вен* 2003 (Le Seuil, 1971).

²⁶ *Robin*. 1973.

²⁷ *Guilhaumou*. 2000. P. 105-118; 2006.

²⁸ *Le Goff, Nora* (dir.). 1974.

возникновения, выясняя каким образом они конституировали его смысл²⁹. По сути, это было предложение подумать, как включить в исследование события память и историю, привычное разделение которых, идущее от Хальбвакса, к тому времени уже было проблематизировано.

Одним из первых по этому пути пошел Альфонс Дюпрон в докторской диссертации, защищенной в 1956 г. и опубликованной лишь спустя сорок лет³⁰. «Событие достойное этого наименования, – писал историк, – это событие, всегда открытое: оно не перестает жить в коллективной памяти... Каждое событие продолжает жить: оно есть уже потому, что было. И оно всегда готово появиться вновь (уже не такое, как было, но в чем-то то же самое)»³¹. В историографии инициатором такого подхода к событию обычно называют Ж. Дюби, который в книге о Бувинском сражении 27 июля 1214 г.³² показал, что произошедшее в это воскресенье стало значительным событием лишь благодаря тем волнам памяти, в которые оно оказалось вовлечено. Метаморфозы этой памяти в книге Дюби – такой же объект изучения, что и однодневное сражение французских войск с немецкими, о котором сообщают источники. Через несколько лет Ф. Жутар установил существование нескольких традиций восприятия травматического опыта восстания камизаров в Севеннах и его жестокого подавления³³. В частности, начатая историком в 1967 г. историко-этнографическая анкета коллективной памяти североальпийского крестьянства, выявила наличие глубоко укорененной, хотя и подавляемой, устной традиции рецепции этих событий. Жутар показал, что «историографический поиск не может быть отделен от исследования коллективной ментальности»³⁴. Эти конкретно-исторические исследования справедливо считают предвестниками известного проекта П. Нора о «местах памяти»³⁵, который, по общему мнению, стал одним из самых интересных ответов историков на мемориальный бум. Назвать исторический объект «местом памяти» означало дать слово настоящему времени как реальному пользователю прошлого. Память, как и историк, всегда в настоящем, хотя и предполагает воскрешение отсутствующего в этом настоящем прошлого. Поэтому проект Нора открывал путь к другой истории: «не истории прошлого, которое прошло, но истории последова-

²⁹ *Dosse*. 2003.

³⁰ *Dupront*. 1997.

³¹ *Dupront*. 1997. Т. III. Р. 1662.

³² *Duby*. 1973.

³³ *Joutard*. 1977.

³⁴ *Ibid*. Р. 356.

³⁵ *Nora*. (dir.). 1984-1992.

тельного использования уже прошедшего». Речь шла об истории, принимающей во внимание мемориальную слоистость объекта изучения, позволяя историкам осмысливать его темпоральную форму, с тем, чтобы это прошедшее понять / присвоить / преодолеть. Такой способ мышления способствовал тому, что историческая критика трансформировалась в критическую историографию³⁶.

Показав важность следов события и метаморфозы его смыслов в ходе длительного существования, историки радикально изменили перспективу исторического исследования. Если раньше очень разные историки стремились объяснить настоящее с помощью прошедшего, то теперь они все чаще отказываются от каузальной объяснительной схемы, в которой событие интерпретируется в свете породивших его причин и обращаются к герменевтике события, фокусируя свое внимание на следах того, что произошло. В этой связи историка интересует уже не только содержание события в момент, когда оно «имело место», но прежде всего тот шлейф трансформирующегося во времени смысла, который и придает такому исследованию открытый характер, ибо в поле зрения исследователя попадают не только лежащие на поверхности факты, но и нереализованные возможности, не замеченные современниками, но неожиданно актуализированные их потомками. В этих условиях проблематика памяти, в том числе памяти исторической приобретает новое значение и с этим связан историографический поворот конца XX века. Огромное количество исследований написано сегодня именно в такой перспективе.

Несмотря на критику и споры, событие никогда не исчезало из исторических работ. Вкус историка к событию, по мнению Арлет Фарж, отчасти объясняется беспокойством по поводу «молчания источников»; это не значит, что историк всегда способен понять происходящее; но конечно, моменты, легко схватываемые, служат красной нитью, помогая выстроить рассказ, сформулировать гипотезы вокруг возникновения события и его последствий³⁷. Важно также учитывать инерционность исторического мышления и то обстоятельство, что все историки разные, и каждый работает так, как считает нужным. К примеру, в 1973 г. была прочитана знаменитая лекция Ле Руа Ладюри о «неподвижной истории», и тогда же вышла уже упоминавшаяся книга Ж. Дюби о Бувинском сражении, которая с некоторым опозданием была признана шедевром, содержащим в себе элементы глубокого эпистемологического

³⁶ Nora. 1992. P. 24, 30.

³⁷ Farge. 2002. P. 73.

обновления доминирующих в историческом сообществе представлений о событийности. Еще в период структурализма историки вновь обратились к политической истории и биографии, переосмыслив соотношение структуры и события. Важную роль при этом сыграло новое понимание масштаба как исследовательского инструмента: микроистория позволила по-новому понять значение контекста и открытость системы. А также антропологический поворот, в ходе которого историки стали обращать внимание на деятельность исторических акторов, их слова, поступки, жесты, эмоции. В середине 1980-х годов Ф. Доссе писал о том, что «возвращение» к событию может стать «лекарством» от кризиса, в котором оказалось включенное в структуралистскую парадигму историописание: переосмыслив статус события, историография сможет вновь стать наукой об изменениях, ибо событие – это всегда становление³⁸.

Постепенно историки осознали, что ни контекстуализация, ни понимание конструктивистской природы исторического события не освобождает их от загадочных апорий событийности, ускользающей от схватывания в процессе историографической операции. Например, внимательное изучение современных событий, привело к выводу, что СМИ способны восстановить лишь «материальную» форму события³⁹. Но помимо нее у события есть еще и форма идеальная. Как быть с ней?

Из повседневного опыта хорошо известно, что в условиях серьезных перемен не всегда удается адекватно осмыслить происходящее. Смысл его как бы подвешивается, становится неясным. Участник события или наблюдатель попадает в экстраординарную ситуацию неопределенности и непроговариваемости. Кроме того, вслед за Ж. Делезом ученые поняли, что событие и случай – это разные вещи. Случай – это то, что происходит, случается, Событие – воплощенное становление, которое никогда полностью не принадлежит только завершённому прошлому, потому что постоянно переосмысливается, переопределяется в актуальном настоящем и выполняет определенную роль в нем. Стало ясно, что историческое событие обладает длительностью, которая не сводима к темпоральности фактических данных, составляющих это событие. Приближающееся событие неизбежно нагружено разного рода восприятиями, которые формировались задолго до того, когда событие произошло. Кроме того, событие имеет собственную темпоральность, плотно связанную с темпоральностью тех, кто его конституировал и проживал. Все это вместе погружено в историко-культурный контекст,

³⁸ *Dosse*. 1987. Rééd. 2010.

³⁹ *Bensa et Fassin*. 2002. P. 5-20.

имеющий свое собственное прошлое, свою генеалогию, свою форму настоящего и определенное видение будущего. Носителями событийной темпоральности являются люди, конкретные индивиды и коллективы, мужчины и женщины, отношения которых к происходящему, как правило, не совпадают, и нередко бывают противоположными. Историки хорошо знают, как сложно согласовать различные свидетельства об одном и том же событии. Получается, что «событие совершается в русле очень большой длительности при посредстве структурирующих эффектов социальных и политических отношений. Более того, оно формирует память. Учитывая все это, историк может понять событие только в контексте весьма сложной системы темпоральностей»⁴⁰. Но и такое понимание будет лишь интерпретацией, более или менее убедительной, но всегда незавершенной.

«Переоткрыв время» в конце 1980-х гг. историки стали изучать и осмысливать «время» событий: время бунта, праздника, ритуала, сражения, время политических выборов, революций, политических переворотов и проч. Линейное время традиционной историографии «приручало» событие, вписывая его в определенные хронологические и пространственные рамки и столь же определенные «порядки» навсегда ушедшего «прошлого». Сегодня историки, используя самые разные приемы, напротив, стремятся показать взрывную силу события, скрытые в нем возможности и выявляют в материале темпоральные особенности событийности.

Событие, прочно закрепившееся в традиционной событийной и социально-экономической истории (именно его критиковал Ф. Бродель), Поль Рикёр назвал «эпистемологическим скандалом»⁴¹. Современные аналитики считают такой подход к событию продуктом «ленивого» исторического мышления, способного работать с историческим материалом лишь на уровне арифметики младшей школы, в то время как философская и социальная мысль уже предложила множество интересных идей и вариантов осмысления сложной событийной реальности без редукционистских упрощений. В историческом познании обновленное понимание события демонстрируют многочисленные исторические исследования, выполненные в русле истории «снизу», истории повседневности, истории ментальностей, микроистории, казусного подхода, новой биографии, новой политической истории, новой интеллектуальной истории.

⁴⁰ *Farge. Op. cit.*

⁴¹ *Ricoer. 1992. P. 29-35.*

Современность множит события, создавая и воссоздавая их непрерывно. Однако *событие* сегодня интересует не только публику, но и журналистов, политиков, философов, ученых. Анализ исторического события, его структуры и механизмов больше не означает изучение «пены истории», но попытку понять функционирование общества через частные и деформированные репрезентации, порождаемые вездесущей событийностью.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1973. 236 с.
- Вен П.* Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 394 с.
- Делёз Ж.* Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.
- Досс Ф.* Как сегодня пишется история: взгляд с французской стороны // Как мы пишем историю? М.: РОССПЭН, 2013. С. 9-56.
- Нора П.* Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22-pr.html> (дата обращения: 25.01.2012).
- Ревель Ж.* Возвращение к событию: Пути историописания // Номо Historicus: к 80-летию со дня рождения Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. Кн. 1. М., 2003. С. 238-254.
- Рикёр П.* Время и рассказ. Т. 1-3. М., 2000. (Le Seuil 1983-1985).
- Савельева И.М., Полетаев А.В.* Теория исторического знания. СПб., 2007. 523 с.
- Фуко М.* Ницше, генеалогия и история // Философия эпохи постмодерна: Сборник переводов и рефератов. Мн.: Изд. ООО «Красико-принт», 1996. С. 74-97.
- Чеканцева З.А.* «Нарративное» время историка // Историческая наука сегодня: Теории, методы, перспективы / под ред. Л.П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. С. 55-74.
- Artog F.* Evidence de l'histoire. Ce que voient les historiens. Edit. de l'ENESS. Paris. 2005.
- Bensa A. et Fassin E.* Les sciences sociales face à l'événement // Terrain. N 38, mars 2002. P. 5-20.
- Burguière A.* (dir.) Dictionnaire des Sciences Historiques, Paris: PUF, 1986.
- Certeau M. de.* L'Écriture de l'histoire. Paris: Gallimard, 1973.
- Dosse F.* L'Histoire en miettes. Des Annales à la "nouvelle histoire". Paris: La Découverte, 1987 (Rééd. 2010).
- Dosse F.* Michel de Certeau: un historien de l'altérité. Texte inédit, conférence à Mexico, septembre 2003. URL: http://www.ihtp.cnrs.fr/historiographie/sites/historiographie/IMG/pdf/Dosse_Certeau_historien_de_l_alterite.
- Dosse F.* Renaissance de l'événement. Un défi pour l'historien: entre sphinx et phénix. PUF, 2010.
- Duby G.* Le Dimanche de Bouvins. Paris: Gallimard, 1973.
- Dupront A.* Le mythe de croisade. 4 vol. Paris, 1997.
- Farge A.* Penser et définir l'événement en histoire. Approche des situations et des actrices sociales // Terrain. 2002. N. 38, pp. 69-78.
- Foucault M.* Leçons sur la volonté de savoir. Paris, Hautes Études, Seuil/Gallimard, 2011.
- Garcia P.* Les lieux de mémoire, une poétique de la mémoire? // Espace Temps, n°74/75. 2000.
- Guilhaumou J.* De l'histoire de concepts à l'histoire linguistique des usages conceptuels // Genèses. 2000. N 38. P. 105-118.

- Guilhaumou J.* Discours et événement. L'histoire langagère des concepts. Besançon: Presses Universitaires de Franche-Comté, 2006.
- Hartog F.* Régimes d'historicité: présentisme et expériences du temps. Paris; Seuil. 2003; Points, 2012.
- Historiographies. Concepts et débats. Sous la direction de Delacroix C., Dosse F., Garcia P. et Offenstadt N. Paris: Gallimard, Coll. Folio histoire, 2010. T. 1-2.
- Joutard Ph.* Histoire et mémoires, conflits et alliance. La Découverte. Collection Ecriture de l'histoire. Paris, 2013.
- Joutard Ph.* La légende de camisards, une sensibilité au passé. Paris: Gallimard, 1977.
- Le Goff J., Nora P.* (dir.). Faire de l'histoire. T. 1-3. 1974.
- Le Goff J.* (dir.). La Nouvelle Histoire, Retz-CEOL, Paris, 1978.
- Morin E.* L'événement-sphinx // Communications. 1972. N 18. P. 173-192.
- Nora P.* (dir.). Les Lieux de mémoires. Paris: Gallimard. 7 tomes. 1984-1992.
- Nora P.* Le retour de l'événement // J. Le Goff et P. Nora (eds). Faire de l'histoire. Paris: Gallimard, 1974. P. 210-228.
- Picard N.* Des nouvelles écritures de l'histoire au seuil du XXIe siècle // Acta fabula. 2011. 12. No. 06. URL :<http://www.fabula.org/revue/document6401.php>
- Poirrier Ph.* L'histoire contemporaine // Cauchy P., Gauvard C. et Sirinelli J.-F. (dir.). Les historiens français à l'œuvre, 1995-2010, Paris: PUF, 2010, p. 69-87.
- Prochasson Ch.* L'Empire des émotions. Les historiens dans la mêlée. P.: Demopolis, 2008.
- Qu'est-ce qu'un événement? // Terrain. Revue d'ethnologie de l'Europe. No.38, mars 2002.
- Revel J.* Ressources narratives et connaissance historique. Enquête. 1995. No.1. P. 43-70.
- Ricoeur P.* Le retour de l'Événement // Mélanges de l'École française de Rome. Italie et Méditerranée. T. 104. N 1. 1992, pp. 29-35.
- Ricoeur P.* Événement et Sens // Raisons Pratiques. 1991. N 2. L'événement et perspective. P. 51-52.
- Robin R.* Histoire et linguistique. Paris: A. Colin, 1973.
- Чеканцева Зинаида Алексеевна**, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; achekantzev@mail.ru